

Еще утром шел снег, а к полудню прояснело, установилась ясная морозная погода. Наступил десятый день весны, но февраль вернулся и накрыл белым снежным саваном Псков и его окрестности. Орлецовский погост утонул в сугробах, и если бы снег не расчистили, траурной процессии пришлось бы ох как непросто добираться до нужного места...

Россия провожала в последний путь своего верного сына, свою гордость, великого мастера слова – Валентина Яковлевича Курбатова. Это ему, выросшему на Урале, беззаветно любившему русскую зиму, природа подарила настоящий зимний полдень – последний полдень под высоким небом Отечества.

«Я завидую вашему снегу, – писал он Леонарду Дмитриевичу Постникову. – У нас все дождь и слякоть, за которыми не видно приближения Нового года. Мама у меня в Пскове полгода прожила – нет, говорит, не могу больше, давай в Чусовой. Уехала, звонит довольная: снегу по колено!»

По заснеженной аллейке, задев отсыпанные по бокам снежные гребни, идет траурная процессия. Впереди плывет крест – настоящий, дубовый, чтобы хотя это – не

крест, а материал! – не прозвучало фальшивой нотой в финале оратории жизни Писателя.

Плывет над землей обдуваемый снежной пылью крест, пока еще земной, но уже превращающийся в Крест бесконечный, сотканный когда-то прежде из мыслей и слов...

Крест, который есть не только неудобноносимая ноша, но и награда: от него было даровано Валентину Курбатову тяжелое, но счастливое детство: «Жил... – вспоминал он, – при постоянно теплящейся в углу лампадке. Читать учился по церковной Псалтыри и Часослову».

И это осталось с ним от тех детских лет до последнего его дня: и чтение Псалтыри в Троицком соборе, когда в шестидесятые приехал в Псков, и те же чтения в городских храмах в двухтысячные, и последняя для него Псалтырь, что читали над его телом восьмого-девятого марта 2021 года...

За крестом несут подушечку с главными наградами его земной жизни: знаками лауреата Государственной и Патриаршей премий, Орденом Дружбы, медалью Пушкина...

Впрочем, многое ли уместится на одну подушечку? Орденов и медалей у Курбатова было не

счесть. По заслугам! Он с юности спешил жить, делал это стремительно, не жалея силы, не экономя энергию сердца! «Душа летела, гнала ненасытная юность, – писал он. – Бедные дети столичных окраин и малых городов, мы думали взять культуру штурмом, догнать великую традицию нетерпеливым схватыванием всего понемногу...»

Он не просто жил, он, шаг за шагом, входил в русскую литературу, в культуру, в пространство бытия великой страны, преображая его упорством, трудолюбием, умом, красотой своей души.

В 1978 году Курбатова приняли в Союз писателей, где он стал членом советов по критике «большого» (СССР) и «малого» (РСФСР) писательских союзов. И далее его перо не уставало скользить по бесконечному писчему листу, создавая в его вселенной волшебные узоры из мыслей и слов, догадок и прозрений, открытий и констатаций. Его называли критиком. Он соглашался:

«Диагноз был верен, – писал он. – Как все критики, я не доверял слову, рождённому одним чувством, одной интуицией, и потому не был поэтом. Как все критики, я не доверял чистой мысли, жалея приносить ей в жертву сопротивляющееся сердце, и потому не был философом. Как все критики, я торопился договорить предложения до точки, не оставляя ничего на догадку и сердечное сотворчество читателей, и потому не был прозаиком...»

Под его пером, в подтверждение звания критика, рождались книги: 1977 год – «Виктор Астафьев: Литературный портрет»; 1986 – «Михаил Пришвин: Жизнеописание идеи»; 1987 – «Евгений

Широков: Портрет на фоне портрета». И это было только начало...

Двигается траурный ход. За наградами следует первый венок – от администрации области – самый большой и значимый...

Вечная тема – художник и власть. Сколько вокруг этого сломано копий? А сколько судеб? Можно, заигрывая и прислуживая, взметнуть себя вверх, а можно, на антитезе, низринуться в пропасть. Курбатов и здесь нашел верный путь. О чем искренне, нелицемерно болело его сердце? О вере, народе, о России. Об этом он писал, об этом говорил с властью – без пафоса, высоких слов, без фальши. Кому, как не ему, христианину, было известно, что всякая власть от Бога (либо в награду, либо в наказание за грехи). Но и здесь он не играл в поддавки – это было не в правилах его совести. В плохом нельзя быть советчиком и помощником, это противно учению Христову! Во время одной из публичных встреч с Президентом он без оглядки вступил в спор с Главой Государства. Надо было видеть вытянутые лица присутствовавших при этом чиновников...

«Богатое – все больше наглет, – писал Валентин Курбатов, – бедное летит в пропасть, и слово Россия уже одно только географическое слово без языковых, государственных, нравственных, духовных границ, что-то туманно-расплывчатое, про что детям уже не расскажешь. Мы как-то привыкли жить в России, не определяя ее, не подыскивая слов (как же описывать дом?), а вот выгнали нас, надо стало называть, где мы жили, а мы и не можем. Так чего-то... руками машем на Аринину гору, на черемуху и рябину. А они

не понимают, у них родина-то в телевизоре, где живут одни бандиты да дураки, да где Познер и Сванидзе из нас шутов делают».

В небе над застывшим морозным полднем завиваются черные вихри птиц, пути некоторых пересекаются, образуя большие и маленькие кресты. Наверное, птицы что-то кричат, но мы внизу не слышим, мы поем:

– Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный, помилуй нас... – раз за разом.

За первым венком следует второй – от деятелей культуры региона. От них бы не венок, целый памятник следовало бы нести, но где уж им?

Тема Пскова, его истории, святынь, его лучших людей без пауз звучала в творчестве Писателя. В девяностые – нулевые на книжные полки выстраиваются его новые книги: в 1996 году – «Домовой: Семён Степанович Гейченко: письма и рассказы»; 1998 – «Юрий Селиверстов: судьба мысли и мысль судьбы»; 2003 – «Перед вечером, или Жизнь на полях». А сколько выходит фильмов? Сколько телепередач?

На погребение Валентина Яковлевича Курбатова, члена Международного объединения кинематографистов славянских и православных народов, съемочная группа ГТРК не приехала. Времени не хватило? Денег? Бензина? Или воли руководства?

Четвертый венок – от Союза писателей России. Потому, что Курбатов все еще – член Академии российской словесности, секретарь и член правления СП России; он еще входит в состав редколлегий журналов «Литературная учеба», «День и ночь», «Дружба народов», «Роман-газета», «Бийский

Вестник» и многих других; он член Президентского Совета по культуре, лауреат премии им. Л.Н. Толстого, лауреат Горьковской и Новой Пушкинской премий. Лауреат Патриаршей премии и православной литературной премии имени Александра Невского и множества других. И автор многих книг, вот лишь некоторые – «Крест бесконечный», «Батюшки мои», «Наше Небесное отечество», «Уходящие острова», «Нежданно-негаданно», «Пушкин на каждый день»...

Президент в соболезновании родным и близким покойного назвал Валентина Яковлевича Курбатова талантливым, неординарным, очень ярким человеком, посвятившим себя сбережению и развитию лучших традиций отечественной литературы.

А Святейший Патриарх Кирилл сказал: «Прекрасный прозаик и один из лучших литературных критиков России, Валентин Яковлевич многие годы посвятил изучению отечественной словесности XIX-XX веков.

Мне довелось лично знать почившего. Будучи глубоко верующим человеком, стремившимся жить по Евангелию и при любых обстоятельствах старавшимся следовать высоким нравственным принципам в профессиональной и общественной деятельности, Валентин Яковлевич своим творчеством и самим образом жизни словно соединял прошлое с современностью, убедительно свидетельствовал о красоте и истинности Православия»...

Следующим несут венок от коллег и друзей – псковских писателей. И я берегу зреющее в уме прощальное слово, которое скажу позже у гроба ушедшего в вечность старшего товарища и друга...

Тем временем путь процессии завершен. Гроб установлен на заменяющие лафет опоры. Присутствующих пленит святая минута молчания...

Но приходит время говорить. Первыми это делают представители региональной власти.

За ними слово берет председатель Союза писателей России Николай Федорович Иванов. В голосе его звучит волнение. Подчеркнув значимость творчества Курбатова, он сообщает, что в Ботаническом саду Москвы планируется в день Святой Троицы высадить березовую рощу в честь первых руководителей Союза писателей и лауреатов Патриаршей премии, одно из деревьев будет посажено в память о Валентине Курбатове. Береза же выбрана как воспетый поэтами символ России!

Теперь я. Тоже волнуясь. Обнимаю вдову Курбатова Инну Федоровну. Она сегодня – пример мужества и стойкости для всех. Смотрю на нее, их сына Всеволода, родных, близких. Наконец перевожу взгляд на лицо дорогого для всех нас человека. Говорю...

– Ушел в путь всея земли Валентин Яковлевич Курбатов. Боль утраты переполняет сердце, и от избытка сердца глаголют уста. Наши слова сегодня – о невосполнимости утраты, о непреходящем значении его служения... Служения в том высоком смысле, о котором, применительно к художникам, говорил Иван Ильин.

Сейчас для нас невозможно дать объективную оценку глубины этого служения – слишком сиюминутна, непритязательна, бескрыла наша точка зрения. Хорошо

было взглянуть с позиции вечности, но кто там побывал, кроме апостола Павла? Это он был восхищен до третьего неба и до конца жизни искал слова, чтобы объяснить увиденное.

В восьмой главе послания к Коринфянам он говорит: «Будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы больше приобрести: для Иудеев я был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных; для чуждых закона – как чуждый закона, – не будучи чужд закона пред Богом... Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых».

Вот в чем суть служения Валентина Яковлевича Курбатова, который сумел реализовать себя среди, казалось бы, непримиримых мировоззрений.

Для патриотов он стал патриотом, для либералов – либералом, для православных – православным, для агностиков – агностиком. Так он доносил до каждого ту высокую истину, знание, то благое и доброе, что вверил ему Бог.

Сейчас мы предаем земле его тело, говорим прощальные слова, а он на третий после смерти день уже был представлен пред лицо Божие и, быть может, спросил:

– То ли, Господи, я делал, что Ты ждал от меня?

Мы не можем знать, что изрек ему Господь. Но думается, слова могли бы быть такими:

– То, верный раб мой Валентин! Именно то ты и делал!

Царствие тебе Небесное, дорогой Валентин Яковлевич! Вечный покой!

* * *

В гробу лежит человек, он словно живой. Лицо его светло, он просто прикрыл глаза, в раздумье. О чем думает? Быть может, о заснеженном Уральском хребте, о древних горах его детства? Или о том, что написал однажды: «Только и держишься старым правилом матери Терезы: «Сделаешь до-

бро – оплатят злом, делай его все равно; простишь – тебя обвинят в высокомерии, все равно прощай; будешь успешен – позавидуют и возненавидят – все равно старайся. Помни: то, что бы ты ни делал, не нужно никому, кроме тебя и Бога».

А теперь и остались только он и Бог! Только он и вечность!

* * *

Многие заметили, что от тела покойного, пролежавшего в гробу более трех дней, не ощущалось запаха тления.

